

В ПЕРЕЛЕСКЕ ПОД БЕРЛИНОМ

За Победу
пили мужики,
Хоть без водки ею
были пьяны,
Подзажав
в литые кулаки
Пыльные граненые
стаканы.

Не жалел запасов
старшина -
Спирта, сухарей
и концентратов.
Кончилась
проклятая война!..
Мирно остывали
автоматы...

Пленные вдали брели
уныло.
Раздавался робко
птичий свист...
Да светился свежий
обелиск
Над последней
братскую могилкой.

ГОСПИТАЛЬ

Через ромашковые пажити,
Через бурьяны лебеды
Из фронтовой далекой памяти
Мальчишки тянутся следы.

... Лихой оравой босоногою
Упорно ломимся вперед,
Туда, где двухэтажем
строгим
Военный госпиталь встает.

Он, белой краской
обинтованный,
Багровым заревом облит,
На нас из окон и с балконов
Глазами раненых глядит.

Мы всякий раз сюда из дома
К ним, как к отцам своим,
идем.
И вон уже танкист знакомый
Махнул приветно костылем.

Издаেকে нам
улыбается,
Белохалатна и чиста,
И медленно с крыльца
спускается
Приветливая медсестра.
Нас в палисадник зазывают -
В солдатский круг,
в геройский круг,
Нас белым хлебом угощают
И лаской огрубевших рук.

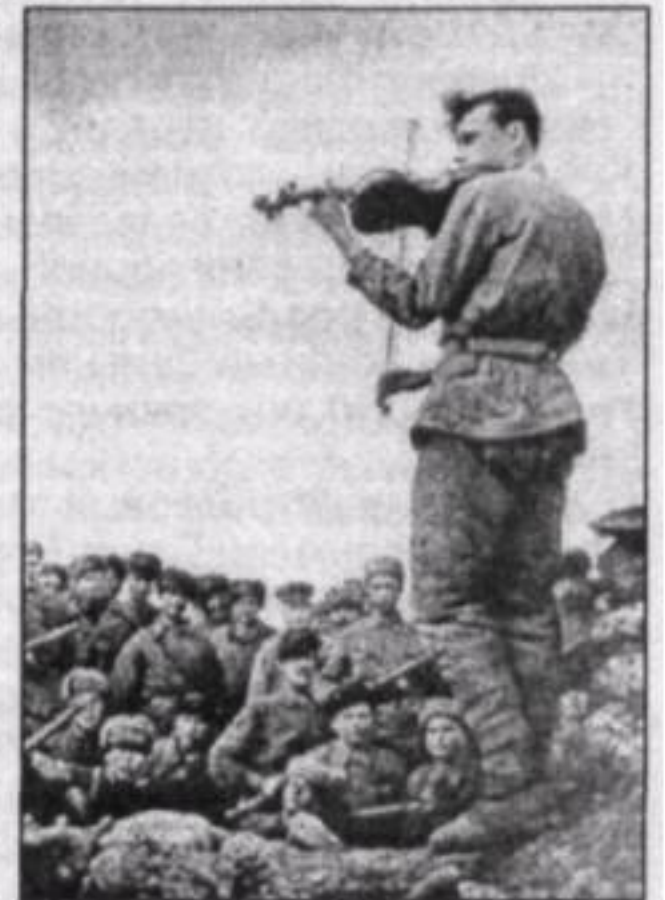
И все вопросы да расспросы:
И - как живем?
И - где отец?
И глушат дымом папиросным
Тоску разбуженных сердец.

И вдруг один из них -
"усастый":
На локте - гипс, седой висок,

Мне говорит отцовским
басом:
- А ну-ка, спой-ка нам,
сынок!..
И, сбившись воробьиной
грудой,
На бугорочке, где трава,
Воинственно расправив
груды,
Поем - кто в лес,
кто - по дрова.

Поем: не любо, так не слушай!
И про "Варяга" смертный бой,
И про красавицу Катюшу,
И про землянку под Москвой.

И даже верхние палаты
Нас одобряют криком:
"Бис!"
И клонят головы солдаты,

И слезы падают на гипс.

Кайма далекого заката
В багровый цвет обрамлена.
Урал.
Победный сорок пятый.
Идет священная война.

ЧЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

От резных, от дедовых ворот
Увела тропа отца на фронт.

Был тот вечер
тихим и печальным,
Как ромашки белые во рву...
На руках потрянул меня
прощально
И поставил бережно в траву.

Только помню:
звякнула калитка
Да березы грели белизной.
Только помню
кудри да улыбку,
Да походный "сидор"
за спиной.

... Почту мы встречали
у околицы.
Прилетев из той
свинцовой дали,
Фронтовые
письма-треугольники,
Словно светом, избу
освещали.

Третье лето пахло
знойной мятой.
С фронта много месяцев -
молчок.
По ночам стучал бессонно
маятник
Да возился за трубой сверчок.
Будто точки над судьбой
папаниной

Ставили старинные часы.
И обвисли
в горьком ожидании
Дедовы суровые усы...

Пал отец за русский
город Кромны.
Лег в могилу братскую.
Потом
Маленьким листочком
похоронным
Сообщили матери о том.

Как сейчас я вижу эти слезы,
Худенькие плечи - ходуном...
И от горя -
черные березы
В белоствольной роще
за окном.

В ДАЛЕКОМ ГОРОДКЕ

Над рекою, над Пышмою
Заревая рань встает.
Над рекою, над Пышмою
На завод гудок зовет.

Грозные сороковые!..
Строгий график.
Строгий спрос.
Вечно в памяти живые
Годы, горькие до слез.

Похоронки валом валят.
Слухи ходят сквозь толпу.
На плите
домашней варят
Овощную скорлупу.

Из мороженой картошки,
Вынутые из огня,
Почерневшие лепешки
В школьной сумке у меня...

Но за все за эти беды,
Опершись на костыли,
Нашей улицей Победы
Немцы пленные брели.

Над рекою, над Пышмою,
Нарушая тишь и сонь,
Над рекою о Победе
Пела русская гармонь.
С. СНЕЖНИКОВ.

